

Из всего сказанного может следовать, что вообще любое повествование, в том числе литературное, способно иметь только одного протагониста. В ином случае нарушается (чрезмерно усложняется) общий порядок действия, когда действие рассказчика превращается в погоню «за двумя зайцами». Вообще фольклорный нарратив как таковой представляет собой некоторую задачу, которую необходимо решить тем или иным известным способом, разумеется, при наличии теоремы существования, обосновывающей возможность решения этой задачи при заданном интервале значений фольклорных переменных.

Библиография

- Белков П.Л.* Этнос и мифология. СПб., 2009.
- Белков П.Л.* О некоторых мотивах австралийской мифологии (в рамках модели «поле и кабинет»), 2013 (в печати).
- Индийские сказки и легенды, собранные в Камаоне в 1875 году И.П. Минаевым. М., 1966.
- Lommel A.* Die Unambal. Ein Stamm in Nordwest-Australien. Hamburg, 1952.

Ю. Е. Березкин

КАК УСТРОЕНА И ДЛЯ ЧЕГО НУЖНА БАЗА ДАННЫХ МИРОВОГО ФОЛЬКЛОРА

База данных мирового фольклора («Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог») доступна на сайте <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>, обновление в январе-феврале. Она имеет текстовую и цифровую (таблица в формате *.sav) формы. Текстовая состоит из вордовских файлов, сейчас их около сорока. По мере роста объема файлы дробятся, в интернет-версии разбивки на файлы нет. Библиография выделена в отдельный файл, доступный при работе с любыми разделами каталога. Ежегодно в каталог добавляются резюме нескольких тысяч текстов, всего их

порядка пятидесяти тысяч. Подсчитать число обработанных текстов в точности трудно. Многие содержат по несколько мотивов и соответственно их резюме размещены одновременно в нескольких разделах каталога, тогда как отдельный мотив для каждой традиции бывает представлен многими текстами. Число мотивов, распространение которых прослежено по всему миру, к началу 2014 г. превысило 1850, общий объем информации — около 110 Мб. Большинство текстов взято из публикаций на германских, романских, славянских и прибалтийско-финских языках, но есть и неопубликованные. Всего обработано примерно 6500 публикаций, русскоязычные составляют около 28 %.

История создания

База данных возникла постепенно. В 1970-х годах задача состояла в поиске параллелей в андском и амазонском фольклоре для сюжетов и образов, отраженных на изображениях перуанской культуры мочика (100–800 гг. н.э.). Постепенно сопоставление сведений по фольклору и мифологии разных групп южноамериканских индейцев превратилось в самостоятельную задачу [Березкин 1983]. Подобные параллели изначально интересовали меня как источник данных об отдаленном прошлом, а не о конкретных индейских культурах или же о закономерностях построения текстов. Общие мотивы, если они достаточно специфичны, свидетельствуют о контактах между людьми — прямых или опосредованных, вызванных миграциями или культурной диффузией. В то же время фольклорные параллели мало что говорят о времени, которым контакты датируются. Для того чтобы получить информацию исторического характера, ареалы мотивов необходимо сопоставить с ареалами древних общностей, выделяемых специалистами, владеющими методами абсолютного датирования, прежде всего археологами. Этой точки зрения я придерживаюсь и сейчас. Попытка наметить подобную корреляцию в пределах южноамериканского континента была, однако, лишь частично успешной. Значение различий между наборами мотивов из отдельных областей Южной Америки удалось оценить позже, когда эти данные были сопоставлены с данными по Северной Америке и Старому Свету. В пределах достаточно замкнутого региона, каким является Южная Америка, сложно отделить наследие отдельных древних

общностей, проникавших на континент в эпоху его заселения, от поздних взаимовлияний.

План работы по созданию фольклорного каталога начал складываться в 1993–1994 гг. В апреле 1993 г. Дж. Уилберт (Калифорнийский университет), главный координатор 22-томной публикации текстов южноамериканских индейцев, поддержал мои намерения заниматься сравнительным анализом индейского фольклора, а в декабре на 500 \$ Сороса я купил свой первый компьютер. Через два года благодаря неоценимой помощи А.Г. Козинцева удалось впервые получить статистические данные о степени взаимного сходства южноамериканских фольклорных традиций [Березкин 1996]. Постепенно база данных приобретала свой нынешний вид. В период между 1997 и 2005 гг. в нее были включены материалы сперва по Северной Америке и северо-востоку Сибири, затем по остальной части Сибири, Северной и Восточной Европе и индотихоокеанским областям Азии, а в конце концов и по всему миру. Полученная в середине 2010-х гг. картина мирового распределения мотивов в главных чертах уже не менялась, но постоянно уточняется и детализируется. По возможности работа велась при поддержке грантов — INTAS, Санкт-Петербургского отделения РАН, программ Президиума РАН, но прежде всего РФФИ. Работа, запланированная на 2014-2016 гг., также поддержана РФФИ (грант 14-06-00247). Моим постоянным помощником и советчиком была и остается генетик С.А. Боринская. В начале 2000-х, благодаря А.В. Козмину, база впервые была размещена в Интернете. Он же занимался ее регулярными обновлениями, поэтому гибель Артема стала не только личной утратой, но и заставила снова решать некоторые вопросы, казавшиеся решенными.

Мотив и сюжет

В основе структуры каталога — разделение материала по мотивам. Термин «мотив» вызывает ассоциацию с элементарными мотивами С. Томпсона [Thompson 1955–1958], но ничего лучшего придумать не удалось. Наши мотивы ближе сюжетам (*taletypes*), но отличаются и от них, поскольку не делятся на варианты. Предполагается, что все тексты, объединенные под шапкой соответствующего мотива, обладают всеми особенностями, которые отмечены в его определении. Определения нередко приходится

корректировать, чтобы они соответствовали новым текстам, если те не вполне сходны с уже имеющимися. Если отличия оказываются систематическими, необходимо создавать дополнительный новый мотив. За редчайшими исключениями мотив включается в каталог только после того, как соответствующие тексты обнаруживаются не менее чем в четырех традициях (о них ниже).

Большинство мотивов в каталоге обозначено буквой и номером (А2, С16 и т.п.). Буква указывает на тематический раздел. Разбивка по разделам условна: каждый мотив включен лишь в один, хотя содержательно некоторые мотивы можно связать с двумя-тремя разделами. Если после номера следует снова литера (например, А7В), то это первоначально означало, что соответствующая группа текстов полностью отвечала более общему определению (в данном случае для мотива А7), но содержала свойственные исключительно ей (А7В) специфические детали. Сейчас все мотивы равноправны, независимо от того, какими литерами и цифрами они обозначены.

Разделы с литерами от А до I в основном включают мотивы космогонические и этиологические, а с литерами от J до M — приключенческие и трикстерские. Эта классификация непоследовательна, да и по сути разделить мотивы по категориям можно лишь приблизительно. Тем не менее при статистических подсчетах она себя оправдала [Березкин 2005; Berezkin 2005]. Изменение обозначений мотивов и перенос их из одного раздела в другой могут привести к путанице и поэтому не целесообразны. При компьютерном поиске и статистической обработке место мотива в пределах каталога несущественно.

Только что было сказано, что наши мотивы близки сюжетам по системе АТУ (Aarne-Thompson-Uther [Uther 2004]), но не имеют вариантов. Остановлюсь на этом подробнее.

Не все знают, что в конце XIX — начале XX в. одновременно с представителями финской школы выделением устойчивых единиц в фольклоре занимались Ф. Боас и его коллеги. Материалом служили нарративы североамериканских индейцев. В своей основополагающей работе по фольклору и мифологии индейцев Северо-западного побережья опознаваемые единицы текстов Боас назвал «элементами» [Boas 1895: 345], («elements» либо «features»

в английском издании [Boas 2002: 652]). Позже А. Крёбер писал о «ключевых словах» (catch-words [Kroeber 1908]). К 1910 г. американскими специалистами по фольклору индейцев было замечено несколько сотен подобных «ключевых слов», однако формализации эта система не получила. В Европе появилась конкурирующая система А. Аарне [Aarne 1910], предназначенная для гораздо более широкого круга исследователей (индейский фольклор европейская фольклористика в то время практически игнорировала), и что еще важнее, сам Боас, а с ним и его последователи потеряли интерес к исторической проблематике. Поскольку прослеживание распространения фольклорных «элементов» по континенту было обусловлено желанием проследить древние культурные связи, для школы «культура и личность» эти наработки ценности не представляли. Неоэволюционистов они тоже интересовать не могли, ибо отражали не закономерности эволюции, а случайности этнокультурной истории. Систематизация североамериканского фольклора закончилась на каталоге, изданном в 1929 г. С. Томпсоном [Thompson 2000]. В него были включены единицы самой разной сложности — от элементарных мотивов до циклов повествований. Плюсом является иллюстрация каждого типа одним полным текстом (со ссылками на похожие), минусом — заведомая неполнота (96 номеров, включая европейские заимствования). Строго говоря, это вообще не каталог, а хрестоматия по фольклору индейцев и эскимосов.

Сюжеты мифологии и фольклора Центральной и Южной Америки общей систематизации не подвергались, хотя многие авторы занимались поиском различных межэтнических параллелей (указатели сюжетов креольского фольклор евро-африканского происхождения я не рассматриваю). В упомянутом многотомном издании Дж. Уилберта в 4259 текстах нескольких десятков групп южноамериканских индейцев были выделены элементарные мотивы числом более десяти тысяч. Однако этот грандиозный указатель элементарных мотивов, как, по-моему, и все остальные, остается — в отличие от указателей сюжетов — невостребованным. Проблемы его сопоставимости с указателем Томпсона вполне сознавали и сами авторы [Wilbert, Simoneau 1992: 50–53], а перспектив извлечь из него хоть какую-то историческую информацию я не вижу.

Вернемся к сюжетам. Сравнивая сюжеты АТУ с «элементами» и «ключевыми словами» Боаса и Крёбера, можно заметить сходство и различия в подходах, обусловленные спецификой того материала, на котором создавались соответствующие классификации.

А. Аарне и его коллеги имели дело со сказочными сюжетами, зафиксированными в близкой форме у всех европейских народов. Поскольку для выделенных типов продолжали обнаруживаться все новые соответствия, могло сложиться впечатление, будто типы первичны, а конкретные тексты вторичны, что набор типов обусловлен закономерностями мышления, а не исторически случайными обстоятельствами. Ошибочность такого подхода становится очевидной лишь при выходе за пределы Европы и прилегающих регионов Азии и Африки. О том, что по мере движения к окраинам Евразии и за ее пределы западноевразийские типы исчезают, а появляются другие, С. Томпсон хорошо знал [Thompson 1932: 2]. Насколько кругозор Аарне охватывал Сибирь, Америку и Океанию, сказать трудно, но представители финской школы сделали верный выбор в пользу гипотезы исторически случайного появления сюжетов повествований. К сожалению, А. Аарне, К. Крон и их коллеги тут же дискредитировали свой выбор, решив, что каждый сюжет возник один раз в результате творчества конкретного автора, а дальше распространялся, подвергаясь своего рода порче. Идея прослеживания истоков сюжетов к определенному региону, где они когда-то возникли, восходит, вероятно, к предположению Т. Бенфея относительно индийского происхождения европейских сказок [Ольденбург 1924; Benfey 1859] и в принципе допустима (хотя конкретно южноазиатская «прародина» вероятна лишь в редких случаях). Однако постулат точечного и авторского возникновения сюжетов ни на какие доказательства не опирался и справедливо подвергся уничтожающей критике [Jason 1970].

В то же время претензии к структуре и содержанию указателя Аарне (и далее Аарне-Томпсона и Аарне-Томпсона-Утера), касающиеся нечеткого различения сюжетов и мотивов, необходимости вносить изменения в определения сюжетов по мере поступления нового материала, произвольности разбивки типов по категориям и вообще отсутствия у указателя качеств научной классификации [Jason 1970: 287], не были обоснованы. Они исходили из недо-

казуемого постулата, будто совокупность реальных текстов есть отражение некой системы, и наша задача эту систему выявить. Совокупность европейских нарративов не есть система, спрятанная в подсознании человека и находящая реализацию в текстах. Это такой же исторически случайный продукт, как и совокупность нарративов американских индейцев. Общие элементы в текстах разных традиций свидетельствуют о контактах между традициями. Те же элементы, которые легко возникают спонтанно, распределены беспорядочно по регионам и континентам и, как правило, очень просты. Возможность повторного независимого возникновения более сложных и специфических сюжетов и образов нельзя исключать, но каждый подобный случай требует отдельного исследования. При статистической обработке данных отдельные аномалии в ареальном распределении мотивов вообще не заметны.

Главное отличие классификации Боаса от классификации АТУ состояло в том, что Боасом с коллегами были выделены скорее эпизоды, чем целостные повествования. Это и естественно. Интенсивность контактов между группами индейцев была ниже, чем интенсивность контактов в Европе и вообще в Нуклеарной Евразии, где высокая плотность населения облегчала обмен информацией. Соответственно, у аборигенов Америки эпизоды редко копировались в устойчивой связке друг с другом и при заимствовании образовывали новые комбинации. Что же касается Нуклеарной Евразии, то здесь часто копировались не только эпизоды и образы, но и их последовательности, цепочки. Благодаря интенсивной репликации шел эффективный отбор наиболее устойчивых сюжетных схем — легче всего запоминающихся и отражающих ожидания слушателей.

Однако копирование сложных сюжетов и в Европе происходило далеко не всегда, отдельные эпизоды здесь также могли складываться в разные сочетания. Тем не менее определения сюжетов в АТУ обычно содержат прямые отсылки лишь к одному эпизоду, а другие подверстываются как образующие варианты или межсюжетные сцепления. Поскольку единственная задача указателя АТУ состоит в том, чтобы облегчить поиск параллелей к интересующим исследователей текстам, такой метод имеет свои преимущества: основной набор европейских сказок мы знаем с детства, а чтобы

выявить эпизоды, нужен специальный анализ. Однако наша задача другая — оценить интенсивность связей между традициями, и именно поэтому наш каталог ближе к боасовской системе. В тех случаях, когда один из эпизодов совпадает с сюжетом АТУ, номер АТУ приводится, но определение мотива/сюжета создается заново исходя из особенностей собранных текстов. Нашему определению соответствуют только те тексты из числа помещенных под соответствующим номером в АТУ, которые включают именно данный эпизод, а не любые эпизоды, которые с данным эпизодом часто (но вовсе не всегда) бывают соединены.

Каталоги по системе АТУ основаны на структурном подходе, а конкретные характеристики протагонистов редко учитываются: «Лиса (заяц, еж и т.п.) делает то-то и то-то». Оказалось, однако, что характеристика персонажей, прежде всего зооморфных, устойчивее, чем фабула. Тексты на определенный сюжет легко заимствуются, но ареалы зооморфных трикстеров стабильны и во все не обязательно коррелируют с ареалами соответствующих видов животных. Протагонистами одних и тех же сюжетов в Передней Азии неизменно будут лиса или шакал, в тропической Африке и Индокитае — заяц, на западе Индонезии и в Малайзии — карликовый олень. В нашей базе данных видовая характеристика персонажей систематически прослеживается, поскольку может отражать ареалы распространения очень древних и крупных этнокультурных общностей.

Традиции и ареалы

Чтобы ориентироваться среди пятидесяти тысячи текстов, недостаточно классифицировать их по мотивам, необходима вторая координата — географическая/этническая атрибуция. Для грубой классификации (она нужна только для ориентировки в материале и в аналитических процедурах не используется) используется деление по регионам. Если открыть каталог, то в оглавлении после названия мотивов можно увидеть ряды цифр типа .52.53.55. и т.п. Цифры обозначают регионы, в пределах которых записаны тексты. Это рабочая информация, которую не надо приводить при цитировании. Нумерация регионов начинается не с 0, а с 10. Обозначающие регионы цифры приведены лишь для мотивов, включенных в корреляционные таблицы. Если в заголовке мотива цифр

нет или если они даны в скобках, то это значит, что мотив для подсчетов в данный момент не используется. Названия регионов выделены **жирным**, начинаются с новой строки и легко заметны. Названия традиций (этнических и локальных групп), материалы которых связаны с данным регионом, выделены подчеркиванием. Последовательность регионов начинается с юга Африки и заканчивается Огненной Землей — так или примерно так, как происходило расселение современного человека. Вместе с тем выделение регионов осуществлялось по мере обработки соответствующих материалов — от Южной Америки к Африке и Европе. Поскольку материалы по Восточной Европе, Балтоскандии и Балканам были обработаны значительно раньше, чем по Западной Европе, между теми и другими вклинились материалы по южной половине Азии, Австралии и Океании, что нелогично. Размеры регионов также неодинаковы, отражая проблематику исследования на его разных этапах. Однако повторю еще раз, что при компьютерном поиске подобные дефекты существенного значения не имеют.

Традиция — главная, наряду с мотивом, аналитическая единица. В идеале каждая традиция должна соответствовать одной этнической группе, но практически это невозможно. Само понятие этнической группы условно. Мелкие близкородственные группы нет смысла рассматривать по отдельности, зато группы, говорящие на одном языке, но расселенные на огромной территории, желательно дробить, так как набор мотивов в удаленных друг от друга районах расселения может значимо различаться. На начало 2014 г. выделено более девятисот групп, которые равномерно распределены в пределах большинства континентов, кроме Австралии. В Австралии (без Тасмании) выделены лишь шесть территориальных кластеров, каждый из которых включает десятки «племен». Связано это с тем, что для большинства австралийских групп данных по фольклору нет вовсе или они фрагментарны, а у остальных групп в нарративах мало сложных эпизодов, находящихся в близких соответствиях в других традициях. Соответственно, чтобы получить минимально необходимое для статистической обработки общее число мотивов, данные по многим группам пришлось сводить вместе. Учитывая однородность австралийских традиций (при огромном разнообразии конкретных эпизодов), это

вряд ли должно привести к ошибкам в оценках связей с традициями других континентов. Традиции Меланезии и Новой Гвинеи также сведены в крупные кластеры, но лишь из-за недостатка публикаций. Особенным богатством папуасские и меланезийские мифологии не отличаются, но существующие кластеры здесь, несомненно, еще удастся раздробить, приведя их в лучшее соответствие с лингвистической картой.

Число мотивов в отдельных традициях колеблется от двух-трех до более чем трехсот. Понятно, что для статистических подсчетов использовать традиции, фольклор которых в каталоге отражен плохо, нет смысла. Традиций, в которых число списочных мотивов от 25 и выше, более 730, в которых таковых 60 и выше, более 380, и этого вполне достаточно для прослеживания ареальных тенденций распределения мотивов. Плохо представленные традиции включены в каталог постольку, поскольку они заполняют лакуны на картах распространения отдельных мотивов, а также позволяют не создавать сборных кластеров, состоящих из групп, языки которых сильно отличны. Новый адрес сайта с картами распространения отдельных мотивов станет известен в марте 2014 г. Карты формируются автоматически при введении данных корреляционной таблицы в формате *sav.

Число мотивов для отдельных традиций колеблется не только из-за количества и качества источников или сохранности традиций на момент знакомства с ними исследователей. Традиции одних регионов объективно богаче, а других — беднее. Самыми богатыми являются традиции индейцев Северной Америки. Так, по числу учтенных в каталоге мотивов на первом месте сейчас находятся русские (325), далее грузины (311), казахи (275), а четвертое место занимают несколько близкородственных групп береговых эллишей на границе Британской Колумбии и Вашингтона (272 мотива). При этом следует учесть, что численность и территория этих групп несоизмеримо меньше численности и территории не только русских, но и грузин. Почему именно североамериканские традиции столь богаты — тема для отдельного разговора.

Использование базы данных

Поскольку каталог содержит резюме фольклорных текстов и некоторые сведения о верованиях и представлениях (в частности, касающиеся космологии и атмосферных явлений), его можно использовать просто как справочный материал. Однако это лишь побочный результат нашего проекта. Главной задачей было и остается выявление демографических и культурных процессов, имевших место в отдаленном прошлом. Статистическая обработка всей совокупности данных позволяет получить осмысленные результаты, даже несмотря на разнородность жанровой атрибуции текстов и генезис отдельных мотивов в разные эпохи. Так, многие мотивы, распространившиеся в Нуклеарной Евразии и в Африке, предполагают наличие развитого производящего хозяйства и сложной социальной организации, в то время как комплексы мотивов, общие для Южной Сибири и Великих Равнин или для индо-тихоокеанской окраины Азии и большей части Нового Света, наверняка должны были возникнуть не позднее конца позднего палеолита. Однако для более тонкого анализа имеет все же смысл обрабатывать не всю совокупность мотивов, а их отдельные группы. Для демонстрации многих тенденций ареального распределения мотивов статистические программы вообще не нужны: карты распределения небольших групп мотивов говорят сами за себя. Желательно не использовать механически то, что уже есть в каталоге. При решении конкретных задач обычно становятся заметны неточности и лакуны в материале, которые требуется заполнить и исправить.

Наконец, каталог полезен как инструмент, помогающий избавиться от некоторых заблуждений, характерных для многих российских исследований по фольклору и мифологии.

Во-первых, это архаический эволюционизм, отказывающийся во внимании к региональной культурной специфике и основанный на стадиялистском понимании развития культуры вообще и фольклора и мифологии в частности. Результатом является беспорядочное привлечение аналогий из любых традиций от викингов до австралийских аборигенов и от Древнего Востока до чукчей — все они якобы отражают некую «архаическую» стадию в представлениях о мире. К этому часто добавляется непонимание жанровой спец-

ифики текстов. Поиск аналогий в культурах, далеких во времени и пространстве, не запрещен, но он возможен, лишь если эти культуры, несмотря на удаленность, исторически связаны.

Другая обычная ошибка — это вера в культурные универсалии, «архетипы», логически предшествующие реальным культурным проявлениям и порождающие их. Осмысление материала превращается в этом случае в наклеивание ярлыков: если дерево, то мировое, если змея, то хтонические силы, если богатырша, то «матриархат» (и такое не перевелось).

Карты распространения мотивов наглядно показывают, что фольклорно-мифологические сюжеты и образы нельзя объяснять воздействием универсальных факторов — ареалы распространения элементов культуры всегда ограничены, а мозг устроен у людей одинаково. Но очертания ареалов редко удается объяснить и действием региональных факторов. Распространение мотивов коррелирует с основными миграциями, особенно связанными с заселением еще не обжитых или слабо освоенных территорий, а также с направлениями информационных потоков, процессами культурной диффузии. Однако оно крайне слабо коррелирует с природными и с социальными обстоятельствами.

Непродуктивно заниматься генезисом мотивов, поскольку нам не известен культурный контекст, в котором тот или иной из них возникал. Сам подобный процесс так же трудно локализовать во времени, как и генезис лексем — любое сколь угодно древнее состояние восходит к еще более древнему. Мы можем лишь реконструировать состояния для определенных временных срезов.

Б. Малиновский был прав: коллективу важно не содержание мифов, а кто и как эти повествования излагает и слушает. Любые сюжеты и образы могли приобретать социальное значение либо утрачивать его, фольклор и мифология функциональны безотносительно своего конкретного содержания. Адаптивно важные элементы культуры реагируют на изменения природной и социальной среды и поэтому недолговечны. Фольклорно-мифологические мотивы сохраняются неопределенно долго именно потому, что не имеют существенного значения в жизни общества. Какая разница, что именно люди угадывают в силуэте лунных пятен? Для изучения современных обществ эти данные не имеют никакого значе-

ния, а для изучения миграций и культурных контактов тысячелетия назад их значение колоссально.

Библиография

Березкин Ю.Е. Каталог мифологических сюжетов индейцев Южной и Центральной Америки. Первые результаты компьютерной обработки // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. История, археология, культурная антропология и этнография. М., 1996. С. 337–344.

Березкин Ю.Е. Мифология индейцев Латинской Америки и древнейшие фольклорные провинции // Фольклор и историческая этнография. М: Наука, 1983. С. 191–220.

Березкин Ю.Е. Оценка древности евразийско-американских связей в области мифологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 1 (21). С. 146–151.

Ольденбург С.Ф. Странствование сказки // Восток. Кн. 4. М.; Л., 1924. С. 157–160.

Aarne A. Verzeichnis der Märchentypen. Helsinki, 1910.

Benfey T. Panschatantra. Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen. Leipzig, 1859.

Berezkin Y. Continental Eurasian and Pacific Links in American Mythologies and Their Possible Time-depth // Latin American Indian Literatures Journal. 2005. Vol. 21. No. 2. P. 99–115.

Boas F. Indianische Sagen von der Nordpazifischen Küste Amerikas. Berlin, 1895.

Boas F. Indian Myths and Legends from the North Pacific Coast of America. Vancouver, 2002.

Jason G. The Russian criticism of the “Finnish School” in folktale scholarship // Norway, N.S. 1970. Vol. 14. P. 285–294.

Kroeber A.L. 1908. Catch-words in American mythology // Journal of American Folklore. Vol. 21. No. 81–82. P. 222–227.

Thompson S. Motif-Index of Folk Literature. Helsinki, 1932. Vol. I.

Thompson S. Motif-index of folk-literature. Bloomington, 1955–1958. Vols. 1–6.

Thompson S. Tales of the North American Indians. Mineola; N.Y., 2000.

Uther H.-J. The Types of International Folktales. Helsinki, 2004.

Wilbert J., Simoneau K. Folk Literature of South America Indians. General Index. Los Angeles: University of California, 1992.